

В Большой зал «ВК» въехал автомобиль Иосифа Кобзона. Мэтр отечественной песни отмечает 35-летие творческой деятельности. Отсчет времени до юбилейного концерта в ГЦКЗ (18 декабря) пошел на часы; Иосиф Давыдович ездил с репетиции на репетицию, досадуя на автомобильные пробки, а подсевший к нему корреспондент «ВК» незлобиво радовался, что есть время задать вопрос-другой.

Поздравляя Иосифа Давыдовича с юбилеем, заметим, что мэтр и «ВК» давно уже с симпатией присматривались друг к другу и сегодня решили закрепить наши отношения. Отныне Иосиф Кобзон — член общественного совета «ВК».

— Иосиф Давыдович, каким по счету будет это интервью — сотым, тысячным?..

— Никогда не считал ни пластинки, ни концерты, ни интервью.

— О чем вас обычно спрашивают?

— О заработках, о семье, о моей благотворительной деятельности, о моих отношениях с Отариком Квантришвили, о том, связан ли я с мафией...

— Ваш высокий уровень профессионализма отмечают абсолютно все. Почему же вы не поете в опере?

— А почему вы считаете, что профессионализм может проявляться только в определенных жанрах? Профессионализм — знания, помноженные на опыт и на труд. Я получил хорошую школу в Институте имени Гнесиных — ныне Академии музыки, где я сейчас преподаю. Пел в оперной студии Гнесиных, спел много камерной музыки с профессором Георгием Борисовичем Оренлихером, удивительнейшим музыкантом. Так что база была хорошая. И Юрий Владимирович Муромцев, царство ему небесное, наш ректор, ругался с нами жутко за то, что мы «променяли классику на дешевый успех». Как объяснить такому консервативному человеку и прекрасному музыканту, что песня — замечательный жанр?!

В опере обязательно есть несколько человек, usurпированных власть как некий партийный орган. Это режиссер, дирижер, художник по свету — масса людей, которые руководят тобой! «Встань туда, сделай то-то, надень это...» Короче говоря, они лепят сценический образ по своему замыслу, оставляя исполнителю очень мало возможностей. Только обладатель выдающегося голоса, выдающихся драматических способностей получает право чуть-чуть добавить от себя.

Я пел со школьной скамьи, пел в армейском ансамбле песни и пляски, где проходил срочную службу. Потом работал с выдающимися композиторами: Островский, Долуханян — потрясающий, кстати, концертмейстер, Фрадкин, Фельцман, Френкель, Колмановский, Богословский, Туликов, Хренников, Шостакович.... Вот как мне посчастливилось в жизни: пройти академию у таких мастеров!

Многие скажут, песню петь легче, чем оперу. А я не думаю, что трехчасовой сольный концерт меньше по вокальной нагрузке, чем оперная партия. Но вопрос-то в другом. В оперной партии, пусть даже самой мною любимой, я проживаю одну жизнь. А в песенном концерте — десятки жизней. Настоящая песня — та музыкально-поэтическая миниатюра, которая дает возможность исполнителю рассказать о судьбе, поговорить со слушателем, погустить и порадоваться, — вся гамма чувств и музыкальных красок присуща песне.

Кроме того, если не быть ханжами и говорить правду, то песня — наиболее доступный слушателю музыкально-поэтический материал. Возьмите «Журавлей» Френкеля и Гамзатова. Почему такой академический коллектив, как хор Минина, решил включить в свой репертуар эту песню? Да это жемчужина!

«Баллада о красках» Фельцмана и Рождественского — смотрите, какая зримая цветовая гамма: «Был он рыжим, как из рыжиков рагу...», какие образы: «Слишком много белой краски у войны...» Ведь чем замечательна песня? Музыка не мешает литературному основанию, а подчеркивает его. Я уважаю вокальную классику и в свои тридцать пять лет — имею в виду годы на эстраде — ставлю в программу ариозо Онегина Чайковского, рахманиновскую каватину Алеко, арию Ренато из «Бала-маскарада» Верди. Не думаю, конечно, что произведу фурор исполнением этих арий, я только подчеркиваю свое уважение к классике. Но при этом скажу, что, скажем, «Враги сожгли родную хату...», «День Победы», «Вставай, страна огромная...» — эти песни можно совершенно спокойно сравнивать с шедеврами оперной и камерной музыки.

— Иосиф Давыдович, сейчас отработан механизм так называемой раскрутки: молодому дарованию или совершенному бездарю, неважно, снимают клип, оплачивают эфирное время — и готова звезда. А когда вы начинали, кто определял, кого раскручивать, а кого — нет? И как было с вами?

— Когда я приехал после демобилизации в Днепропетровск, где до армии окончил горный техникум, семья говорила с упреком: работай по специальности, ишь, петь ему захотелось. И потом витали такие мысли: как это можно в Москве какому-то провинциалу да еще еврейю поступить учиться? Да еще в высшее музыкальное заведение? То ли я был удачлив, то ли заметили какие-то способности — но, не зная в Москве ни одного человека, я поступил учиться. Никто просто не верил, говорили: наверное, они деляли вид, что бедные, а деньги-то есть, раз сын поступил в Институт Гнесиных.

А далее я абсолютно нагло приставал к Аркадию Ильичу Островскому. В 58-м году я подрабатывал в цирке — вместе с сокурсниками пел в прологе и эпилоге. И вот пришел туда Островский показывать свою новую музыку к спектаклям. Я привязался к нему: «Аркадий Ильич, возьмите нас поработать». Ему и деваться было некуда. Помню, как Матильда Ефимовна, его супруга; с досадой говорила, а я слышал по телефону: «Да надоед нам уже этот студент-вокалист. Возьми трубку, поговори с ним». А я так пред-

дужбы. На моем выступлении арабская делегация встала и ушла... Да плевать на то, что она встала и ушла. Этот человек, которому я посвятил выступление, страдает в Израиле, считается там изгоем, потому что он, еврей, помогает арабам. Я ему посвятил песню, арабы встали и ушли — теперь нужно уничтожить за это Кобзона. Я говорю: а арабам можно было посвящать? Тогда бы евреи должны были встать и уйти — так, что ли?

Много было таких случаев — и в России, и в республиках, и на улице, и в средствах массовой информации — с таким, знаете, намеком. Я всегда говорю евреям, которые пытаются использовать эту ситуацию: минуточку, ничто не помешало мне, еврею, приехать в Москву в одной солдатской гимнастерке, поступить в высшее учебное заведение, в общежитии прожить на 80 копеек в день. Стать народным артистом СССР, лауреатом Госпремии, объездить весь мир. Нормально? Нормально. Значит, где правда? В том, чтобы обижаться на Россию, или все-таки в том, чтобы бороться с проявлениями и антисемитизма, и славянофобии со стороны некоторых национальностей. Это вопросы национальной политики, к которым надо относиться очень ответственно. Я не считаю, что евреи тут обособлены от других национальностей и нуждаются в особом внимании.

— Иосиф Давыдович, а вы жалеете, что ушли советские времена?

— Неправильно так говорить — «советские»...

— Ну прежние.

— Я о многом жалею. Это не ностальгия, не возраст и не ханжество. Я жалею о том времени, когда существовали художественные советы, которые не допускали в искусство откровенную сесть. С другой стороны, сожалею, что прежние художественные советы не допускали песни авторов, не состоявших в Союзе композиторов. А в Союз принимали зачастую просто образованных музыкантов, а не таланты. Пономаренко, Мартынова, Добрынина, Мордосеяна, Антонова — этих композиторов «в композиторы» не принимали, у них не было высшего образования и симфонических произведений.

Помните, раньше, идя по улицам, можно было услышать из раскрытого окна, как нестройно поет какая-то компания. А сейчас и не поют, и окна раскрывать боятся. И лет вечерами на бульварах молодежи с гитарами, со своими песнями. И пионеры отдыхали в лагерьях, и старики не беспокоились о лечении... Собственно говоря, то хорошее можно перечислять бесконечно. А то плохое перечислено в избытке: авторитарный режим, парткраты и все прочее... Считаю, что неправомочно была разогнана компартия: нельзя

суд взял бы да разорил какое-нибудь издание. Выдвинул бы кто-нибудь иск на возмещение морального ущерба в миллион долларов — и газета, обогатившая его, потерявшая моральное банкротство, потеряла бы и банкротство финансовое. Тогда бы и главные редакторы, и журналисты подумали бы, стоит ли рисковать, чтобы выполнить дешевый заказ какого-то дешевого человека... С моей точки зрения, что заказывать лживую статью, что заказывать убийство — одинаково. Так человека убивают морально, а так — физически. А журналисты и киллеры это выполняют.

— Вы говорите о конкретных случаях с вами?

— Да нет, я не хочу даже себя принимать во внимание. Любой человек берет десяток газет и читает об одном событии совершенно полярные мнения и факты! И начинает сходить с ума. Если в этой гуще и есть правда, она тонет во лжи.

А с другой стороны — это издержки свободы, которая все-таки появилась. Раньше, не приведи Господь, разрешали максимум пять процентов из программ исполнять произведений не членом Союза композиторов. А сейчас — хоть все сто, никто тебе ничего не скажет. Раньше вызывали в ОБХСС, если кто-то из нас позволял себе выступить в так называемом «левом» концерте, то есть получить деньги сразу после концерта. А сейчас они все как бы «левые»: спел — получи. Но, с другой стороны, бардак: можно выступать, заголяя различные части тела, можно с академической сцены — матом... Видимо, должно пройти время, прежде чем свобода станет разумной.

Раньше у нас было три тысячи человек в Московской эстраде. Из них работало триста — четыреста. Остальные были, как мы их называем, простейники. Они регулярно приходили получать незаработанную зарплату. А нам, действующим артистам, было приказом министра запрещено зарабатывать больше двух окладов. И получалось, что хорошие артисты вырабатывали свой максимум за неделю и три недели бездействовали. Потому что надо было подтянуть сесть, дать и ей выступить. Сейчас иначе: тебя приглашают выступить — зарабатываешь, не приглашают — сидишь без денег, за простой не платят. Значит, беддари уходят из искусства.

Что еще вижу хорошего? Среди нуворишей, среди этой мелкоты «куплю-продам» появляются настоящие умы. Конечно, «мы хотим сегодня, мы хотим сейчас», но не такое уж мы отдельно взятое государство, чтобы за два года сделать все, что другие страны нарабатывали столетиями. Появляются замечательные вещи, замечательные бизнесмены и банкиры. Не нужны сотни бирж, тысячи банков — лишние отмирают. А вкладчики унасят и на «МММ», и на «Чаре», и на «Властелине».

Только блефовать не нужно. Не нужно говорить что, мол, Церковь вне политики, силовые структуры вне политики. Можно подумать, что когда Святейший выступает перед паствой, призывает ее к чему-то, это не политика. А к чему привела так называемая аполитичность силовых структур? К тому, что они слепо выполняют приказание политиков, а сами вроде бы ни при чем. Армия вне политики, МВД вне политики, ФСК вне политики. Руки выкручивают, стреляют — «вне политики»...

Скажите, ворчу что-то по возрасту или по коммунистическим привязанностям? Нет. Но если соразмерить плохое в прошлом и плохое в настоящем, то я за прошлое. Я бывал в Нагорном Карабахе — с ума сойти от красоты. А сейчас во что его превратили? Какой интернациональный город был Баку, какой цветущий край — Молдавия. А сейчас? Остались едины только артисты. У меня на юбилее выйдут на сцену и «Ялла» из Узбекистана, и белорусские «Песняры», и артисты Украины, Грузии. Это не нарочито — это просто мои друзья. Они приедут меня поздравить и, естественно, выйдут на сцену.

Утечка умов — хорошо ли это? Выдающиеся музыканты рванули на Запад, средние прозябают. Никто не печатает хороших прозаиков и поэтов — редко, когда по дружбе, по старой памяти выпускают книжечку. Зато печатают порно. Самое страшное, что когда общество образумится, не для кого будет его спасать. Потому что это будет общество дебилов, потерявших всякое уважение к своей истории, к своей родине, к своим духовным началам.

— По сколько часов в день вы работаете?

— Мне все-таки пятьдесят семь лет, и я живу двумя жизнями. Хочу продлить жизнь артиста Кобзона и не дать умереть деловому человеку и общественному деятелю Кобзону. Времени не хватает катастрофически. Мне жалко тех, кто со мной работает — охранников, водителей. Хотя они довозят меня до места — и отдыхают, а я еще должен мозги набекрень совривать... Бон, посмотрите у водителя путевку.

— Смотрю: начало работы в два десятка ночи, конец в двадцать два часа.

— Двадцать три года я не отдыхал — имею в виду цивилизованный отдых: две-три недели полежать на солнце, полечиться, почитать. Такого не было. Но я не страдаю от этого, потому что хочется что-то успеть. Катастрофически убывает время, и я не могу себе сказать, что все сделал и могу отдохнуть.

— Что вы сегодня репетировали с Ансамблем внутренних войск?

— Песни к моему юбилейному концерту. В «России» будут выступать три академических коллектива: Оркестр русских народных инструментов под руководством Николая Некрасова, Ансамбль песни и танца внутренних войск МВД, который я считаю самым сильным коллективом среди военных ансамблей, и Эстрадно-симфонический оркестр Центрального телевидения и радио под руководством Мурада Хаклаева. Жуткая проблема: много артистов, много песен, необходимо сокращать программу, и режешь по живому — что ни сократишь, все дорого.

Беседовал
Евгений НЕКРАСОВ.

ИОСИФ КОБЗОН

Возв. клуб. 1994. - 17 дек. - с. 7
«Когда начинал петь — получал три рубля за выступление. А стали платить пять — решил, что хорошо живу»

ставлялся — «студент-вокалист», потому что Аркадий Ильич меня по имени не помнил. Словом, он согласился: «Найди тенора — попробуем вас в моих авторских концертах».

Я взял Виктора Кожю, и мы начали петь дуэтом. А дальше посмотрели на нас — два молодых паренка, песню любят — и начали нас приглашать: Долуханян, Пахмутова, молодая совсем; Фрадкин... И стали мы выступать. Тогда еще не было возможности записать песню с эфиром на магнитофон и разучить. Мы приходили к композиторам, и они с нами работали. Объясняли, что хотели бы в этой песне услышать, как услышать. Колоссальная была школа. А материально это было никак — я получал три рубля за выступление. Когда начал получать пять рублей — считал, что хорошо живу. Потом эти же композиторы предлагали свои сочинения на радио и ТВ. Говорили, что исполнять их будем мы — отсюда наши первые «Огоньки», «С добрым утром» и все прочее.

А что происходит теперь? Коммерческие структуры либо помогают уже готовым звездам — ради рекламы, чтобы в концерт, скажем, Пугачевой и Киркорова выставить свой рекламный щит. Либо раскручивают жен, любовниц, секретарш. Нет такого, чтобы искали таланты. Я выпускаю каждый год три-четыре человека с эстрадного факультета Академии имени Гнесиных, и некуда их устроить. Раньше устроил бы их в Москонцерт, а сейчас? Выпускаю их на улицу. Уникальный случай произошел в этом году на приемных экзаменах в академию. Из тридцати шести человек, которые прослушались, по моему настоянию не приняли ни одного. Не потому, что я такой плохой. Я все время говорил остальным педагогам: «Подумайте о будущем этих людей. Мы их пригласим, они будут учиться четыре года. И выйдут на улицу. Может быть, лучше им сейчас подумать и принять другое решение?» Если была бы какая-то яркая звезда, я бы не раздумывая сказал: «Настро браться срочно и с первого дня думать об ответственности этой звезды»...

Любой бизнесмен имеет полное право тратить свои деньги на то, что он предпочитает. Приоритеты в оказании спонсорской помощи определяет тот, у кого деньги... Я давно предлагал бизнесменам собраться и вместе определить эти приоритеты. Но у меня, скажем, на первом месте две крайние категории: дети и старики. А молодые бизнесмены, наоборот, не хотят помогать старшим, мол, они за советскую власть — пусть и пожинают плоды советской власти, а мы устроим конкурс красоты с шампанским... Это, конечно, их право. Но я говорю таким: «Родители твои страдали из-за тебя же, негодяй. Они в любви тебя родили, а сами-то страдали. Имеешь ли ты право бросать их сейчас на нищенское существование из-за того, что тебе хочется пить шампанское?» Но это все вопросы дискуссионного порядка.

Так вот, они берут девочку с хорошей фигуркой и говорят: «Будет звезда». Я не хочу бросать тень на плетень: чьи это любовницы... В это же самое время в единственной сохранившейся в бывшем Советском Союзе структуре, которая называется Всероссийская творческая мастерская эстрадного искусства имени Леонида Маслякова, есть талантливые молодые ребята, и им никто не помогает. Педагоги получают пятьдесят тысяч в месяц. Вот в чем беда. А эфирное время покупают куколкам. Но вот я недавно снялся в передаче «Песня-94», и все же могу сказать: пестрая, разноликая и небезалазная эстрада. Часть этих звездочек останется.

— Иосиф Давыдович, вам лично приходилось сталкиваться с антисемитизмом?

— Конечно, и неоднократно. Сейчас, слава Богу, подзабыли о евреях, потому как есть лица кавказской национальности. Отвлеклись от старинной забавы. Но я против того, чтобы выяснять отношения с государством, с родиной. Надо по каждому конкретному случаю высказывать свое отношение.

Не могу сказать, что русский народ — антисемит. Это звучало бы кощунственно из моих уст. Русский народ в большей части интернационален, и потому я не собираюсь обижаться на народ из-за того, что меня кто-то назвал по дороге жидовской мордой или выступил по ТВ, как Артем Троицкий, который заявил, вот, дескать, Зыкина может спеть русскую народную песню, не то что этот еврей Кобзон... И я обижаюсь на него, на антисемита Троицкого, а не на русский народ, который он представляет.

И так каждый раз. Скажем, выступая в Колонном зале, посвятив песню выдающемуся деятелю Израиля, я оказался потом в жутком несчастье. Это было на шестидесятилетии ССОДА — Союза обществ

Две звезды.

Таким он начинал.

С Леонидом Утосовым и Борисом Бруновым в Театре эстрады.